

Хасанов М.Ш.^{1*}, Петрова В.Ф.¹, Сырғакбаева А.С.¹, Сундетбаев Д.М.²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

*e-mail: Hasanov.marat.41@mail.ru

РОЛЬ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Цель, основные направления и идеи научного исследования состоят в том, чтобы показать роль опережающего развития общественного сознания в социокультурных изменениях современного общества. Научная значимость работы заключается в том, она позволит разработать бытийные основы модернизации общественного сознания. Научное осмысление явлений и событий, происходящих в мире и в стране позволит людям на практике адаптироваться к изменениям в способах человеческого общения. Решение этих вопросов должно внести большой вклад в развитие отечественной социальной философии. Практическое значение итогов работы выражается в возможности разработать новый спецкурс «Модернизация общественного сознания казахстанского общества».

Ключевые слова: социальность, культура, модернизация, общество, сознание.

Hasanov M.Sh.^{1*}, Petrova V.F.¹, Syrgakbaeva A.S.¹, Sundetbaev D.M.²

¹Department of Philosophy, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²Department of Philosophy, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

*e-mail: Hasanov.marat.41@mail.ru

The role of the rapid development of social consciousness in socio-cultural changes in modern society

The purpose, main trends and ideas of the research are to show the rapid development of social consciousness plays an important role in socio-cultural changes in modern society. The scientific significance of the work are that it will develop existential bases of modernization of the public consciousness. Scientific understanding of the phenomena occurring in the world and in the country events will allow people in practice to adapt to changes at work, home, leisure, housing, ways of human communication. The solution to these issues should contribute to the development of national social philosophy. Practical meaning of results of work is expressed in the possibility to develop a new discipline «Modernization of Kazakhstan's identity».

Key words: sociality, culture, modernization, society, identity.

Хасанов М.Ш.^{1*}, Петрова В.Ф.¹, Сырғакбаева А.С.¹, Сундетбаев Д.М.²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²Л.Н. Гумилов атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.,

*e-mail: Hasanov.marat.41@mail.ru

Қазіргі қоғамның әлеуметтік-мәдени қалыптасуындағы қоғамдық сананың озық дамуының ролі

Ғылыми зерттеудің мақсаты, негізгі бағыттары және идеялары қазіргі қоғамның әлеуметтік-мәдени қалыптасуындағы сананың озық дамуының ролін көрсету. Ғылыми зерттеудің маңыздылығы – қоғамдағы сана модернизациясының болмыстық негіздерін қалыптастыру. Сонымен қатар, дүниежүзінде және мемлекетімізде болып жатқан құбылыстарды ғылыми талдау

адамдар арасындағы қарым-қатынаста орын алған өзгерістерге тез бейімделуді үйретеді. Осы мәселелердің шешімі отандық әлеуметтік- философияның дамуына үлкен үлесін қосады. Зерттеу нәтижелерінің негізінде «Қазақстандағы қоғамдық сананың модернизациясы» атты арнайы курсын жүргізуге болады.

Түйін сөздер: әлеумет, мәдениет, модернизация, қоғам, сана.

Введение

Выбор темы исследования обоснован тем, что модернизация общественного сознания переходных обществ типа Казахстана была обусловлена трансформацией тоталитаризма в демократию, плановой экономики в рыночную. Эти процессы политической реформы и модернизации экономики должны были получить обновление с началом Третьей модернизации Казахстана. По словам Президента РК Казахстана Н.А. Назарбаева, недостаточно просто войти в тридцатку развитых стран мира, необходимо также сопроводить эти масштабные преобразования опережающей модернизацией общественного сознания. Потому нужно сделать шаг навстречу будущему, изменить общественное сознание, чтобы стать единой нацией сильных и ответственных людей (Назарбаев Н.А., 2017). Из этого следует, что исследования социокультурных изменений общества как материального базиса модернизации общественного сознания являются на сегодня одной из самых актуальных проблем социальной философии.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что за годы развития Казахстана в условиях независимости и суверенитета произошли кардинальные изменения социальных, экономических, политических и культурных институтов общества. Правда, на их эволюцию существенное влияние оказали такие нарастающие негативные явления, как терроризм, насилие, безграмотность, болезни, разрушение окружающей среды и международные конфликты. Естественно, что эти деструктивные явления не должны были укореняться в казахстанском обществе, более того они должны были получать достойный отпор и решительное противодействие.

Материал и методы

Вопросы особенностей методологии исследования общества переходного периода стали актуальны после распада СССР, когда бывшие советские республики взяли курс на трансформацию тоталитаризма в демократию, плановой экономики в рыночную. Это было продвижени-

ем данных республик в сторону построения современного (постсовременного) общества.

Глубокое изучение формирования современного общества в социокультурном плане предполагает использование комплекса классических, неклассических и постнеклассических методов, принципов научного исследования.

Из классических, наиболее распространенным является стадийно-формационный метод исследования.

Стадийный подход Даниэла Белла и его концепцию постиндустриального общества можно назвать творческим развитием «теории стадий экономического роста» У. Ростоу. В свое время английский ученый выделил пять «стадий» в развитии общества:

- 1) традиционное общество;
- 2) стадия создания предпосылок для подъема;
- 3) стадия сдвига;
- 4) стадия роста;
- 5) период высокого уровня массового потребления.

По его мнению, эти стадии характеризуют этапы перехода традиционного общества в индустриальное на основе развития орудий труда (Rostow W.W., 1971).

К. Маркс выделил восходящие этапы развития от личной зависимости через личную независимость при вещной зависимости к свободной индивидуальности универсально развитого человека и соответственно определил пять общественно-экономических формаций всемирно-исторического процесса: 1) племенная, 2) античная, 3) феодальная, 4) буржуазная, 5) будущая коммунистическая форма всеобщей собственности (Маркс К., Энгельс Ф., 1978).

Формационный подход К. Маркса позволяет взглянуть на структуру общества как на систему, и на его этапы, которые, с одной стороны, будут для любого народа обязательными, а с другой стороны – каждое общество на каждом данном этапе будет иметь сходную структуру.

В предисловии книги «Грядущее постиндустриальное общество» Д. Белл дает развернутую критику формационного подхода К. Маркса к обществу. Он считает, что его стадийный подход расходится с формационным подходом

Маркса по ряду пунктов (Белл Д., 2004). Он считает, что не формации, а стадии характеризуют этапы перехода традиционного общества в индустриальное на основе развития орудий труда.

Эта концепция постиндустриального общества позже была развита в работах З. Бжезинского, Дж. Гэлбрейта, Э. Тоффлера и других. В 90-е годы прошлого века теорию постиндустриального общества многие исследователи связывали с понятием информационного общества, а иногда эти понятия они интерпретировали как синонимы.

Однако стадийно-формационный подход К. Маркса, Р. Арона, У. Ростоу, Д. Белла и других к изучению социокультурной модернизации общества имеет определенную историческую ограниченность. В этом плане можно согласиться с мнением российского ученого Н.С. Розова, который считает, что сильной стороной указанного подхода является способность к осмыслению всемирно-исторических инвариантов социальной эволюции, технологического и социального прогресса, необратимости изменений, соотношения уровней развития. Он отмечает, что слабая сторона стадийно-формационного подхода хорошо известна из критики со стороны приверженцев цивилизационной и гуманитарной парадигм ... Главный и уже почти общепринятый тезис этой критики таков: европейская история – это вовсе не центр и не типичный образец движения по слоям фаз (стадий, формаций) для остальных частей всемирной истории, но, напротив, сама европейская история является крайне специфичным явлением (Розов Н.С., 2000).

Вместе с тем, следует отметить, что теория постиндустриального развития общества сейчас стала основной альтернативой традиционному марксистскому учению. Тем не менее, оппоненты данной концепции справедливо указывают на несостоятельность технологического детерминизма, и некоторую утопичность взглядов многих исследователей (Inozemtsev V.L., 2001).

Антитезой стадийно-формационного подходу, основанному на развитии производственно-хозяйственных отношений, является цивилизационный подход (О. Шпенглер, А. Тойнби, славянофилы, евразийцы), опирающийся на изменение социокультурных типов отношений.

Так, априорно-культурологический метод исследования социально-политической трансформации общества О. Шпенглера скептически истолковывает упадок новейшей европейской культуры и ее философское осмысление. Он не

разделял традиционный подход к периодизации истории Европы на древний мир, средние века и т. д. Такое деление истории он называл бессмысленной «европоцентристской птолемеевской системой», поскольку на самом деле, по его мнению, история человечества складывается из совокупности независимых друг от друга культур. По его версии, всемирная история представляет собой общую биографию культур, которые последовательно проходят стадии рождения, возмужания, зрелости, старости и смерти.

Согласно О. Шпенглеру, проходя указанные стадии исторического восхождения, культура становится цивилизацией. С наступлением цивилизации в больших городах происходит социальное структурирование бесформенных масс «четвертого» сословия. В последующем происходит становление демократических и тоталитарных форм социально-политического устройства общества, вырождающихся со временем в господство и цезаризм. На исходе цивилизации, по О. Шпенглеру, организм народов превращается в аморфную массу и, распадаясь, становится «добычей» других народов. Это возвращает народы к состоянию раннего существования, отчуждению от мира (Шпенглер О., 1994).

В известной степени эту мысль проясняют слова С.Л. Франкла о том, что славянофилы и О. Шпенглер в различии между цивилизацией и культурой усмотрели различие и даже противоположность между духовным творчеством, глубиной и интенсивностью самой духовной жизни, с одной стороны, и накоплением внешнего могущества, мертвых орудий, с другой стороны (Буббайер Ф.С., 2001).

Н.Я. Данилевский развивает органическую теорию культурно-исторических типов, замкнутых в себе и потому навсегда расколовших единство человечества. В ней выдвигается положение о том, что национальная культура развивается имманентно и во взаимодействии с другими культурами. Но в то же время развитие национальной культуры, согласно данной теории, должно происходить на собственной основе, не допуская сильного влияния со стороны другой культуры или же при творческой переработке ее достижений. При соблюдении этих условий возможно образование мощной культурной традиции, неповторимой по своей оригинальности (Данилевский Н.Я., 2002).

Данный культурный полифонизм, геополитическое положение России обуславливают особый ее исторический путь. В этой связи Н.С. Трубецкой отмечает, что русской культуре всег-

да приходится двигаться в разных направлениях, тратить свои силы над согласованием элементов разнородных культур, выискивать подходящие друг другу элементы из груды ценностей двух культур. Согласно евразийской концепции задача подлинного культурно-исторического самопознания заключается в познании себя, своей самобытности. По его мнению, только истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире. Он полагает, что только вполне самобытная национальная культура есть подлинная, и только она отвечает этическим, эстетическим и утилитарным требованиям, которые ставятся любой культурой (Трубецкой Н.С., 1995).

Развивая методологию Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкий провозглашает существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности. Он полагает, что культура рождается и развивается как органическое целое, потому она сразу («конвергентно») проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, и в бытовом укладе, и в этническом типе, и в географических особенностях ее территории (Савицкий П.Н., 1997).

Л.Н. Гумилев развивает и доводит до логического завершения общеевразийскую идею о том, что этнически великороссы, русские представляют собой не просто ветвь восточных славян, но и особый этнос, сложившийся на основе тюркско-славянского слияния. Исходя из этого, он считает, что великорусская цивилизация сложилась на основе тюркско-славянского этногенеза, союза Леса и Степи, сочетание которых составляет историческую сущность России, предопределяя характер ее культуры, цивилизации, идеологии и политической судьбы.

Совокупность народов, живо ощущающих «общность культурных и исторических традиций», ведет автаркическое хозяйство на определенном месторазвитии». Следовательно, надо научиться рассматривать мировую историю не в однополярной версии «Запад и все остальные», а в многополярной, причем северная и восточная Евразия представляет собой особый интерес, так как является альтернативной Западу источником важнейших планетарных цивилизационных процессов (Гумилев Л.Н., 2001).

К числу неклассических методов изучения социокультурных явлений можно отнести социодинамический подход П. Сорокина. Он провел глубокий анализ родовой структуры социально-политических явлений. Это позволило ему понять общество как единство социально-

сти и политики, образуемого и преобразуемого в ходе жизнедеятельности человека. Поясняя свою мысль, П. Сорокин отмечает, что структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют и лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других». Делая акцент на взаимодействии как родовой модели социокультурных явлений, Питирим Сорокин отмечает непрерывную изменяемость исторического процесса. По его мнению, в обществе постоянно появляются определенные формы общественной организации: определенные формы производства, формы семьи, политического устройства. Они живут, развиваются и, в конце концов, сменяются новыми (Сорокин П., 1994).

В известной степени к подходу П. Сорокина близок социально-политический подход Э. Дюркгейма. Он направляет анализ социокультурных изменений общества на конкретные формы общественной организации, которые характеризуют переходы от механической солидарности (по сходствам) к органической солидарности людей.

Не исключено, что перевод синхронной (идеально-типической) матрицы признаков традиционного социума, обрисованной Э. Дюркгеймом, в диахронную перспективу исторического процесса вызовет сомнения методологического характера. У оппонентов может возникнуть вопрос, насколько правомерна эта процедура? На возражение такого рода можно ответить двояко. С одной стороны, – очевидным трюизмом, отметив, что эвристический потенциал всякой новаторской концепции не измеряется лишь областью конкретных импликаций, осуществленных ее автором. На это, кстати, в связи с интересующим нас вопросом, указывал один французский ученый (Арон Р., 1993). Обращение к психоанализу в связи с темой модернизации и тесно примыкающей к ней проблемой национально-культурной идентичности неизбежно по двум причинам: чем сильнее состояние сознания, тем более оно сопротивляется всему, что может его ослабить; чем оно определеннее, тем меньше места оставляет оно изменениям. Значит, можно

предвидеть, что прогресс разделения труда будет тем медленнее и труднее, чем больше энергии и определенности будет иметь общее сознание. По его мнению, «специализация – не единственный возможный исход в борьбе за существование (Дюркгейм Э., 1991).

К числу постнеклассических методов изучения изменений социокультурного характера можно отнести структурно-функциональный подход Т. Парсонса. На основе структурно-функционального подхода он рассматривал структурные изменения общества как прогрессивную эволюцию к более высоким системным уровням, которые выражают ценность свободы, рационализацию исторического процесса. Так, согласно американскому социологу, можно выделить такие группы процессов, из которых состоит либерализация. Он включает в эти группы процесс дифференциации основных социетально-функциональных структур как относительно самостоятельных: жизнеобеспечивающей (экономика), духовно-интегрирующей (культура), статусно-дифференцирующей (социальная структура), властно-регулирующей (политика). Кроме того, этот ученый включает в эту группу возникновение и включение в трансформирующуюся систему новых компонентов, обеспечивающих ее интеграцию: утверждение норм гражданского общества или, точнее, социетального сообщества (права и обязанности каждого гражданина, обеспечение участия граждан в формировании государственных структур и др.). В нее также входят становление рыночной системы, индустриализация производства, рационализация организационных структур управления (рост бюрократии); возникновение и легитимизация политических партий, профессиональных союзов и других форм массовой самоорганизации граждан. По его мнению, либерализация должна еще выражать вырастание в системе новых компонентов, дезинтегрирующих ее по новым основаниям. Это глубокое отчуждение человека от условий жизни и труда, глобализация военно-политических противостояний между различными типами общества, включая угрозу самоуничтожения человечества, рост экологических опасностей, деградацию природной среды (Parsons, T., 1961).

Деятельностный принцип философии в преломлении к социокультурным явлениям в конкретной форме выступает как принцип человека активного. Как исходный принцип он акцентирует внимание на биологические, социальные и культурные аспекты человека и на элементы его

структуры как субъекта действий. При этом само действие субъекта понимается как компонент взаимодействия с другими субъектами, имеющий значение для них и выполняющий определенные функции по отношению ко всем субъектам взаимодействия. Тем самым, принцип *Homo activus* одновременно является и принципом человеческого взаимодействия как простейшего социокультурного явления (Лапин Н.И., 2000).

Таким образом, на основе вышеперечисленных методов и принципов можно выявить, что на начальном этапе социокультурной модернизации переход к рынку в нашей стране начала создаваться экономическая и социальная база для утверждения открытого демократического общества.

Обзор литературы

Модернизация общественного сознания является отражением социокультурной модернизации общественного бытия. В таком случае исходным объектом исследования оказываются социокультурные изменения (модернизация). В научной литературе последних десятилетий категория «социокультурные изменения» зачастую подменяется понятием «модернизация». Однако многозначность данного понятия затрудняет его корректное определение.

Под понятием «модернизация» подразумеваются какие-либо варианты трансформации культуры и общества. Иными словами, понятия модернизации и трансформации конкретизируют содержание категории социокультурных изменений переходного общества. Широкое распространение этих понятий, в особенности модернизации, обусловило необходимость разработки основных постулатов ее общепризнанной, классической интерпретации.

Одним из признанных авторитетов в этой области является польский ученый П. Штомка, который справедливо полагает, что в широком смысле модернизация выражает все прогрессивные социальные изменения в обществе, когда социум движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. По его мнению, оно отражает также комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, которые возникли на Западе в XVI в. и достигли своего апогея в XX в., содействуя формированию современного общества (Штомка П., 1996).

Американский ученый Роберт Нисбет считает, что развитие западной цивилизации идет

как посредством накопления знаний, так путем и наращивания материального богатства. Вначале прогресс развития общества опирается на линейное представление об истории, свойственное иудео-христианской религиозной традиции. Начиная с XVIII века, по его мнению, происходит отделение идеи прогресса от религиозных корней и «срастание» понятий прогресса и науки. Он полагает, что этот процесс сопровождался угрожающими явлениями: если первоначально прогресс трактовался как расширение человеческой свободы, то примерно со второй половины XIX в. он все более стал пониматься как расширение «управляемости» – попросту говоря, власти абстрактного государства над человеком и природой (Nisbet Robert Alexander, 2007).

Другой американский ученый Чарльз Тилли полагает, что социальные движения начинают развиваться как средства мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у людей отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения либо когда власти выступают с прямыми репрессиями. Типичные формы коллективного действия и протеста, по его мнению, изменяются в зависимости от исторических и культурных обстоятельств (Tilly Charles, 2004).

Основоположник мир-системного анализа, представитель неомарксизма Иммануил Валлерстайн считает, что необходимо переосмыслить социальную науку XIX века, поскольку ее многочисленные предпосылки до сих пор еще слишком глубоко коренятся в умонастроениях людей. Когда-то считалось, что они освобождают дух, сегодня же они служат главным интеллектуальным барьером для объективного анализа социального мира, который должен быть свободен от обращения к вере, заблуждения, что впереди нас ожидает неизбежный триумф добра (Wallerstein, Immanuel, 1997).

Американский ученый Уолтер Бакли на основе принципа деятельности выдвинул базовую теорию социокультурного процесса, позволяющую раскрыть структурно-функциональную модель саморегулирующейся, гомеостатической системы, пронизанной отрицательными, компенсаторными обратными связями. Данную модель он дополнил моделью «морфогенетической системы» с положительными, усиливающими обратными связями, в которых структуры постоянно строятся и трансформируются. Бакли полагает, что его морфогенетическая система «возникает», «становится встроенной», «генерирует, вырабатывает и переструктурирует себя». Во всем этом здесь просматривается некоторый

автоматизм, а также жесткое качество самой системы (Buckley, Walter, 1967).

К учению Бакли в известной степени «примыкает» теория «активного общества» американского социолога и политолога Амитая Вернера Этциони. Он попытался разработать такую схему общественного переустройства, в которой наилучшим образом реализовались бы общечеловеческие ценности. Ключевые параметры такого общества – респонсивность (чувствительность правящих верхов к нуждам членов низших ступеней социальной иерархии) и аутентичность (подлинность самих человеческих потребностей, единых для всех членов общества независимо от их культурной принадлежности). Один из путей усиления активности индустриального общества состоит в усилении централизованного контроля над функционированием системы. Этциони, говоря о контроле, имеет в виду не нормативное регулирование, а сложное взаимодействие власти и информации. В более поздних работах он уделяет большое внимание рассмотрению конкретных социальных проблем и, в частности, созданию системы социальных индикаторов, позволяющих очерчивать и решать эти проблемы (Etzioni, Amitai, 1968a). Несколько позднее систему социальных индикаторов он дополняет мобилизационными силами коллективов и обществ – в качестве основного источника их собственных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами. По его мнению, это дополнение помогает понять, что социальная единица в процессе мобилизации приобретает тенденцию изменять свою собственную структуру и границы, а также структуру той более высокой единицы, членом которой она является» (Etzioni, Amitai, 1968b).

Таким образом, Этциони показывает, что человеческое общество представляет собой «макроскопическое и непрерывное социальное движение», включенное в «интенсивное и постоянное самопреобразование». Конечный двигатель обнаруживается в «самозапускаемой преобразовательности» и способности творчески отзываться на воздействия. Местом средоточия этой способности оказываются коллективы, группы и социальные организации; механизм идентифицируется с коллективным действием, причем в основном в рамках политического процесса. Теория социальной направленности задается вопросом: как данный деятель направляет процесс и изменяет структуру или границы социального целого? Она также ставит вопрос о том, как моделировалась данная структура, как

она поддерживалась, как она может быть изменена, где расположены источники движущих сил, кто концентрирует знание и кто способен к исполнению. В качестве истинных субъектов у Этциони выступают действия социальной самотрансформации в различных типах коллективов.

В разработке проблемы модернизации общественного сознания активное участие принимали и французские ученые. Так, известный структуралист Алан Турен резко критикует материалистическое понимание истории с позиции «самопроизводящегося общества» (Touraine, Alain, 1977). Исходя из этой позиции, Турен критикует и теорию развития, и теорию структурализма, которые „подчиняют чувство коллективного действия неизбежным законам или требованиям исторической реальности“. Следовательно, они выводят субъект из социологической перспективы, рассматривают его как простую эманацию системы. Его эволюционистская, или историческая, концепция апеллирует к сравнительной истории или даже к философии истории. Согласно ей, общества следуют друг за другом по пути прогресса, рациональности и укрепления национального государства. Причиной действия оказывается положительная или отрицательная деятельность самих социальных деятелей. Таким образом, он показывает, что человек является творцом истории, а общество есть не что иное, как нестабильный и, вероятнее всего, несогласованный результат социальных отношений и социальных конфликтов.

Наряду с польскими, американскими, французскими, проблема модернизации общества интенсивно разрабатывалась и британскими учеными. Так, Энтони Гидденс разработал „теорию структурирования“ (Giddens, Anthony, 1991a), в которой он отмежевался от всех теорий, типичных для „ортодоксального консенсуса“, предполагающего материализацию социальных целостностей и социальный детерминизм деятелей. Сочетая подобную критику функционализма и структурализма с позиции „понимающей, или интерпретативной, социологии“, Гидденс отрицает понятие самой структуры.

Акцентируя внимание на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях людей. Он полагает, что жизнь проходит в трансформации, а ее основное содержание есть постоянное производство и воспроизводство общества. Это означает, что изучать структурирование социальной системы означает изучать те пути, которыми

эта система – в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренных результатов – производится и воспроизводится во взаимодействии. В этом случае структурные свойства систем являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются данные системы. Это – теорема «двойственной», или он преобразовывает постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов – людей (Giddens, Anthony, 1991б).

Делая ударение на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов – людей, он предложил преобразовать на постоянно меняющейся природе социальной реальности, чей истинный онтологический субстрат лежит в действиях и взаимодействиях субъектов – людей, „Наша жизнь проходит в трансформации“ (Giddens, Anthony, 1979в), а ее основное содержание есть постоянное производство и воспроизводство общества. Таким образом, „изучать структурирование социальной системы означает изучать те пути, которыми эта система в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренных результатов производится и воспроизводится во взаимодействии“. „Структурные свойства систем являются одновременно и средством, и результатом практики, в процессе которой формируются данные системы“ (Giddens, Anthony, 1971г).

Другая часть уравнения „деятельность – структура“ выведена Томом Р. Бернсом и Еленой Флэм в „теории систем правил“ (Burns, Tom R. and Flam, H., 1987). Хотя авторы и заявляют, что преследуют цель „навести мосты между уровнями структур и деятелей“, тем не менее, они сосредоточивают внимание не на деятелях, которые формируют, а на структурах, которые формируются. Последние они рассматривают в нормативных терминах как комплексные сети правил. По их мнению, человеческая деятельность – при всем ее необычайном разнообразии и при всей оригинальности – организуется и управляется в основном социально определенными правилами, а также системами правил. Они развивают идеи нормативной онтологии социального мира, разработанного Торгни Сегерштедом. Последний полагал, что каждый вид взаимодействия и кооперации должен предполагать некоторые общие нормы. Лишь имея общие нормы и общезначимые символы, мы можем

предсказывать (Segerstedt, Torgny T., 1966: 12).

Основным направлением упомянутой теории является сложный анализ социальных правил, которые составляют „глубинные структуры человеческой истории“. Они делятся на три типа „модулей“: система правил, режим правил и грамматику. Системы правил включают в себя правила, „зависящие от контекста и обладающие временной спецификой, – правила, применяемые для структурирования и регулирования социальных взаимодействий, выполнения определенной деятельности, специфических заданий или взаимодействия в социально обусловленных формах“. Режимы правил поддерживаются социальными санкциями, сетями власти и контроля и, следовательно, приобретают объективный, внешний характер в человеческом восприятии. Они близки к тому, что обычно называется инструкциями (в нормативном смысле этой общей категории). На индивидуальном уровне системы обращаются в „грамматику социальных действий“, используемую для структурирования и регулирования взаимодействий друг с другом в определенных ситуациях или сферах деятельности.

Маргарет С. Арчер резко критикует „теорию структурирования“ Гидденса, дополняет ее „теорией морфогенеза“. Основное достоинство морфогенетической перспективы заключается в осознании того, что „уникальной чертой, отличающей социальные системы от органических или механических систем, является их способность подвергаться радикальному переструктурированию“, чем они в конечном счете обязаны человеку (Archer, Margaret S., 1985: 59).

Центральное понятие морфогенеза относится к сложному взаимовлиянию структур и действий, которое происходит в данной форме, структуре или при данном состоянии системы. При изучении подобных взаимовлияний необходимо руководствоваться принципом „аналитической“, а не „концептуальной дуальности“. Согласно первому, в ходе анализа действия и структуры разделяются, поскольку эмерджентные свойства социокультурных систем предполагают прерывность между начальным взаимодействием и их конечным продуктом. В противоположность этому, принцип дуальности чреват потерей „центральной конфликации“ – элизи (соединения) двух элементов, утрачивающих автономию друг от друга или независимость от одного из них или обоих сразу.

Представитель современной исторической социологии Норберт Элиас критикует своих

коллег за некритичную подборку фактов на уровне эмпирического исследования. Этому недостатку, выражающемуся в абстрагировании от временных и динамических параметров организации человеческого общества, Элиас противопоставил процессуальную перспективу. Она означает осознание того, что непосредственное настоящее, к которому обращаются социологи, составляет лишь ничтожно малую моментальную фазу в необъятном потоке человеческого развития, и что этот поток, исходя из прошлого, пересекает настоящее и устремляется к возможному будущему. Общества рассматриваются в историческом времени. Это связано с тем, что каждое современное общество выросло из более ранних обществ и выходит за свои собственные пределы, превращаясь в разнообразные возможные будущие общества (Elias, Norbert, 1987: 226).

Этот процесс в основном не запланирован, хотя и включает в себя более короткие или более длинные эпизоды спланированного, намеренного социального изменения. Изменения не имеют автоматического или неизбежного характера; процесс полностью обусловлен людьми в их сложном взаимодействии, взаимозависимости, которые Элиас назвал „образами“ (figurations). Их узловыми точками могут быть индивидуальные деятели, но могут быть и группы, и даже государства. Образы формируют гибкую решетчатую конструкцию напряженностей, неустойчивое напряженное равновесие, баланс сил, движущихся туда и обратно, перевешивая сначала в одну сторону, затем в другую. Такие паутины, или сети, межчеловеческих отношений с властью как основной связью (соединяющей людей, но также и противопоставляющей их; порождающей не только их кооперацию, но и конфликты) внутренне текучи, нестабильны, подвергаются всем видам изменений. Это и есть модели движения большей или меньшей продолжительности. В таких своих „образах“ люди и сосредоточивают собственную деятельность по изменению истории.

Филип Абрамс заявил о необходимости полной интеграции социологии и истории. С его точки зрения, единственный серьезный способ создания социологии – исторический. Для этого существуют и онтологические причины, поскольку и социологи, и историки имеют дело с одной и той же „безумной немеханической машиной“, – человеческим обществом. Как статический, так и традиционный динамический подходы, предлагая „законы и стадии эволюции и

развития, где постулируется необходимость самих законов“, оказались совершенно неадекватными. В его понимании истории и социологии, – между ними не может не быть взаимосвязи, потому что у них один и тот же основной предмет изучения. И та, и другая стараются понять загадку человеческого действия, и та, и другая стремятся сделать это в терминах процессов социального структурирования.

Идея процесса помогает перекинуть мост между традиционно противопоставляемыми статикой и динамикой, равно как между структурой и действием. Разделение на диахронию и синхронию абсурдно. Социологи должны быть заняты событийностью, потому что именно так происходит структурирование. Социология процесса должна обеспечить альтернативу исчерпавшим себя и социологическим теориям действия и системы, потому что процесс есть связь между действием и структурой. Таким образом, общество нужно понимать, как процесс, исторически творимый индивидами, которых исторически творит общество. Это процесс бесконечный, последовательный и кумулятивный; на каждой его стадии действия предпринимаются в условиях, которые сложились в прошлом, и, в свою очередь, эти действия подготавливают обстоятельства для будущего. Данный продолжительный процесс конструирования является центральным предметом социологического анализа (Abrams, Philip, 1982).

Результаты

Обзор западной литературы по вопросам социокультурных изменений общества в контексте модернизации общественного сознания позволяет получить следующие результаты:

- необратимые прогрессивные социальные изменения общества по принятой шкале улучшений, субъект которых постепенно становится частью системы в рамках парадигмы коллективного действия и логики индивидуальных взаимодействий;

- линейные социальные изменения общества, связанные с прогрессом и наукой, ограничением свободы человека, усилением власти государства над человеком и природой;

- развитие социальных движений в обществе под влиянием коллективных действий и протестов в контексте различных исторических и культурных условий;

- развитие социального мира в рамках секуляризации, преодоления заблуждения и победы добра;

- социокультурные изменения общества происходят под влиянием активности, структурно-функциональной саморегуляции, морфогенетического структурирования;

- социокультурные изменения общества под влиянием реакции на подлинные нужды людей, мобилизации сил коллектива и общества в целом на их решение;

- социокультурные изменения общества есть влияние деятельности людей, результат социальных отношений и социальных конфликтов;

- социокультурные изменения общества суть результата применения общих правил и ресурсов и непреднамеренных результатов в процессе взаимодействий.

Многозначность данного понятия затрудняет его корректное определение. Тем не менее, под понятием «модернизация» следует подразумевать какие-либо варианты трансформации культуры и общества.

Классическая интерпретация понятия модернизации позволяет раскрыть наиболее общие характеристики распада традиционного общества с его сознанием и преобразование в современное.

Эти характеристики составляют основу процесса формирования современного открытого общества. В ходе данного процесса в сфере экономика формируются рыночное хозяйство, частная собственность, индустриальная промышленность. В социальном плане в ходе изменений происходит становление урбанизированного, классового общества. В области культуры изменения вызывают секуляризацию общественного сознания, развивают массовое образование и науку.

Для продуктивной разработки данной проблемы интересен опыт социокультурных изменений в Казахстане и России, который активно обсуждается в научной литературе. В ряде работ проводится довольно глубокий сравнительный анализ социально-экономических реформ Казахстана и России (Нечипоренко О.В., Нысанбаев А.Н., 2005). Для уяснения специфики модернизации общественного сознания под влиянием и социокультурных факторов в модернизационных процессах казахстанского общества вопросы оценок, мнений и суждений субэлит о началах традиции и инновации, самобытности и универсальности в его развитии (Ермаханова С.А., 2006).

Можно согласиться с А.Г. Здравомысловым, который выделяет в литературе три концепции, описывающие пути модернизации: а) кризис как проявление отчуждения (Н.И. Лапин); б) систем-

ный кризис общества (Т.И. Заславская); в) «высокий категориальный кризис» (Ю.А. Левада). В каждой из них он увидел свои достоинства и слабости. А все вместе их можно охарактеризовать как модернизационные теории, которые преодолевают общие суждения о природе кризиса, интерпретируют специфику каждого этапа и ориентированы на изучение фундаментальных конфликтов, не получавших разрешения в рамках советской общественно-политической системы (Здравомыслов А.Г., 2007).

Разработка исследователями понятийного аппарата позволяет раскрыть особенности современных социальных изменений в различных регионах мира. К примеру, Н.И. Лапин предложил модернизацию рассматривать в трехмерном временном плане. Во-первых, как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа сегодня модернизированных обществ. Во-вторых, как многообразный процесс, в ходе которого отстающие страны догоняют ушедших вперед. В-третьих, как попытки модернизированных государств дать ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ. К этому следует добавить, что трансформационные проблемы постсоветских стран в конце 80-х годов прошлого столетия придали новый импульс спорам о векторе и характере направления модернизации (Лапин Н.И., 2015).

Классическая интерпретация понятия модернизации позволяет раскрыть наиболее общие характеристики распада традиционного общества с его сознанием и преобразование в современное.

К их числу этих характеристик можно отнести следующие:

- революционность, что вытекает из факта фундаментальности различий традиционного и современного обществ;
- комплексность как невозможность сведения этого процесса к какому-либо одному фактору или аспекту;
- системность, предполагающая взаимозависимость факторов в ходе изменений;
- глобальность, поскольку процесс в той или иной мере затрагивает в настоящий момент все страны и народы;
- длительность, измеряющаяся не десятилетиями, а несколькими столетиями;
- стадийность как возможность выделения уровней или фаз модернизации;
- гомогенность результатов, в которой выражена тенденция к социальной унификации обществ в процессе модернизации;

– необратимость как невозможность возвращения общества к предыдущей фазе, но при этом не исключаются возможности срывов и временных отступлений в процессе модернизации;

– прогрессивность, несмотря на большие жертвы и потрясения в ходе модернизации, ее результаты желательны в силу явных преимуществ индустриального общества перед аграрным (Бородкин Л.И., Квасова Е.А., 2001).

Эти постулаты составляют содержание процесса формирования современного открытого общества. В ходе данного процесса в сфере экономики формируются рыночное хозяйство, частная собственность, индустриальная промышленность.

Эти традиционалистские черты в обществе выступают как нормативные и регулятивные предписания, как базовые установки. В них аккумулируются социальные и духовные ценности, предшествующий опыт поколений, социально-историческая память народа. Выступая основой социокультурной идентификации, традиционные ценности являются установлениями для многих поколений, формируют историческую память народа как представление об общности исторических судеб, об историческом прошлом как устойчивом компоненте национального самосознания (Рассади́на Т.А., 2004).

Индивидуальная жизнь человека и его персональная идентичность зависят от коллективной идентичности той общности или общностей, к которым он принадлежит. Можно говорить о национальной, этнической, государственной, культурной, профессиональной, конфессиональной идентичностях. Она считает, что наиболее остро всегда стоят вопросы самоидентификации народа, нации, государства, и это особенно актуально на данный момент для стран постсоветского пространства, включая Россию. По ее мнению, бывшие советские республики в большинстве своем по-прежнему переживают период «кризиса коллективной идентичности», вызванный распадом СССР и необходимостью поиска новых оснований для своей общности (Труфанова Е.О., 2010). Можно согласиться с ней, что здесь во главу угла ставятся национальная и культурная идентификации, так как народ обращается к глубинам своей истории, формирует заново национальное самосознание.

Эти поиски идентичности в известной степени поддерживают целостность и стабильность социально-исторических общностей в условиях быстро меняющегося мира. Целостность общностей инициирует творческую инновационную

деятельность ее представителей. Традиции как базовые элементы культуры способствуют процессу социокультурной идентичности, которая регулируется общественным мнением на основе этических стандартов. Понятие традиционного употребляют также для обозначения целых обществ, в которых изменения происходят медленно и постепенно.

Традиционализм представляет собой такое мировоззрение, которое наследие социальной группы преобразует в положительную традицию. Его приверженцы не сомневаются в самом авторитете истории. Для них прошлое суть ценность, объект памяти и подражания. Назначение настоящего они видят в неуклонном продвижении идей и дел предшествующих поколений. При этом нельзя традиционализм истолковывать как жесткую, бескомпромиссную оппозицию прогрессу, инновациям. Традиционализм – понятие того же порядка, что и консерватизм. Ведь представителям западной культуры не приходит в голову мысль критиковать консерватизм как однозначно негативное явление (Шацкий Е., 1995).

М.М. Федорова полагает, что «если вкратце, то либерализм представлял собой определенный разрыв с классической политико-философской традицией, отход от принципов политической мысли, разработанной в античности Платоном, Аристотелем, а позднее интегрированных христианством. Свободный индивид, равный по своим естественным правам всем прочим индивидам, – вот основа либерального проекта; такой индивид способен при помощи мощнейшего орудия, которым наделила его природа – разума, – создать справедливое общество на началах равенства всех перед законом и уважения прав себе подобных. И первые, и гораздо более поздние (как ныне в России) попытки практического воплощения этой доктрины показали, что общество не во всем «прозрачно» и податливо для разума, что в нем действуют скрытые механизмы, способные извратить принципы равенства и справедливости, что свобода оборачивается жесткой тиранией большинства. Традиционализм же пошел иным путем: в создании своей модели общества он опирался на классическую традицию, от критики которой отталкивается либерализм». Критикуя традиционализм, неолиберализм также убеждает Запад и российских граждан в том, что сущность любого человека есть не что иное, как стремление к максимуму удовлетворения и минимуму издержек. Следовательно, в стороне остаются проблемы мораль-

ности, социальности и солидарности. Такое понимание неолиберализма принимает довольно распространенный характер, т.е. идет как бы процесс его интернализации (Федорова М.М., 1997).

При диалектическом подходе развитие традиционных обществ необходимо рассматривать как процесс, который сопровождается изменением ценностных компонентов общественного сознания, восприятием и принятием инноваций. В этом процессе передача традиционных ценностных ориентиров предстает одновременно как механизм социального развития, в котором совмещаются основные характеристики наследственности и изменчивости, т.е. совершается гомеостазис системы.

Человек традиционного общества имеет свои частные интересы. Однако возможности их выражения ограничены всеобщим сакральным порядком, который устанавливает традиция. Эти ограничения для человека могут налагаться непосредственно или путем регламентации его поведения конкретными предписаниями и запретами. Они устанавливают некие стандартные формы личностной идентичности и объединения с себе подобными. Другими словами, человек традиционного общества, какие бы частные интересы он ни преследовал, прежде всего, занят поддержанием всеобщего сакрального порядка. Это определяет и непосредственные цели человека, и конечный смысл его действий. Традиции обуславливают перспективу его повседневного житейского успеха, становятся исходной и универсальной предпосылкой для достижения устойчивой личностной идентичности или же признанного социального статуса.

Поведение современного «западного человека» обусловлено иными ориентирами. Непосредственные цели и конечный смысл его действий определяют успех или неудача в рыночной сфере. Исходной и универсальной предпосылкой для достижения его самоидентификации или социального признания оказывается рациональное действие, которое направлено на согласование собственных интересов с динамикой спроса и предложения на рынке. Для него не существует никаких других императивов поведения. Рынок не предполагает конкретных предписаний и запретов. Это создает достаточно устойчивые предпосылки для размывания норм морали и права. По этой причине человек Запада не имеет каких-либо стандартных форм личностной идентичности и социальной интеграции (Зиновьев А.А., 1990).

В обоих случаях действующие императивы поведения, так или иначе, обеспечивают перспективу житейского успеха. Однако этот успех достигается на основе разных мотиваций, разных дискурсов как особых идеальных видов социальной коммуникации, что вызывает существенные различия в структурах сознания, моделях повседневного или специализированного поведения.

Так, дискурс традиционного общества, прежде всего, акцентирует путь, ведущий к цели. Для человека традиционного общества важны способ действия, его средства, ресурсы или формы, которые для него обретают характер сакральной ценности. Потому в повседневной жизни он руководствуется многообразными максимумами типа «не высовывайся», «будь как все» или «веди себя как положено».

И наоборот, дискурс современного западного человека акцентирует сами цели действия. По этой причине его жизнедеятельность детерминирована максимумами «делать дело», «оставить след» или «быть полезным членом общества», которые также могут соотноситься с ценностями сакрального характера (Федотова В.Г., 2005).

Дискуссия

Поиски такого синтеза становятся главной проблемой стратегии развития многих стран, включая Казахстан, поскольку нарушение равновесия между современностью и традиционностью ведет к неудаче преобразований и острым социальным конфликтам.

Выявлено, что при смене экономической модели страны с сырьевой на инновационную основу приоритетом развития казахстанского общества становится человек и его творческий потенциал.

Показано укрепление единства казахстанской нации на новом витке истории предполагает решение ряда неотложных задач, в частности, формировании общей гражданской идентичности; формирование современного автономного государственного аппарата; обеспечение верховенства закона; индустриализации и экономического роста, основанного на диверсификации; созидания нации единого будущего.

Охарактеризованы особенности казахстанской цивилизации, которые вытекают из своеобразия социокультурных традиций и включают в себя нормы социальной жизни, культурные ценности и мировоззренческие принципы.

Изучение новых социально-культурных изменений казахстанского общества показали, что ее параметры выражаются:

- общим мировоззрением (с сохранением особых и единичных модификаций);

- особым менталитетом, обеспечивающим самоидентификацию на уровне большой социальной группы (нации, суперэтноса, цивилизации);

- геоприродной спецификой территории деятельности, влияющей на формирование способов взаимодействия людей;

- единым доступным языком как необходимым средством социальной коммуникации и управления, хранения и обмена информацией, передачи социальных знаний.

Анализ этих социокультурных параметров показал, что взаимоотношения между казахстанской и другими цивилизациями могут выстраиваться на основе трех принципов, которые должны определять и правила современной геополитической игры в мире. Это – преэминентность, конкуренция, взаимоподдержка.

Традиции казахской культуры напрямую определяют природу и сущность феномена идентичности, если под ней в самом общем виде понимать некую устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоидентичность, позволяющую ответить на вопросы: кто я и кто мы.

На формирование казахской идентичности оказывает влияние общенациональная (интегративная) и национальная идеи. Для полиэтничной страны, каковым является Казахстан, разработка «казахской» национальной идеи и рьяное воплощение ее в жизнь, на чем настаивают некоторые крайне патриотично настроенные люди, может обернуться деструктивными процессами.

В наше время запрос на поиск национальной идентичности обусловлен также и новыми общественными реалиями, становлением независимости и суверенитета Республики Казахстан. Дальнейшая консолидация народа Казахстана обусловлена необходимостью осмысления и успешного решения новых вызовов. Это – ускорение исторического времени, глобальный демографический вызов, угроза глобальной продовольственной безопасности, острый дефицит воды, глобальный энергетический вызов, сокращение запасов природных ресурсов, «третья индустриальная революция», нарастающая глобальная социальная нестабильность, кризис гуманитарных ценностей нашей цивилизации,

угроза новой мировой дестабилизации. Осознание и преодоление этих проблем современности возможно на основе консолидирующих ценностей, в частности нового казахстанского патриотизма, равноправия всех граждан и единства народа.

Самоидентификация народа предполагает воссоздание политической, культурной, экономической истории. Но в первую очередь самоидентификация есть особого рода культурный артефакт, так как в нем задействованы исторические силы, внутренние и внешние факторы.

Переход к новой стадии демократизации возможен лишь после серии мелких реформ либерального толка в политической и экономической сферах, которые могут быть далеко не всегда последовательными и иметь половинчатый характер. Тем не менее, они призваны способствовать постепенному изживанию элементов авторитаризма, уменьшению роли государства и возрастанию значимости общественных организаций, становлению гражданского общества.

Понимая сложность и неоднозначность общественно-политических и социально-культурных изменений постсоветских переходных обществ, следует срочно модернизировать общество, уделяя особое внимание, наряду с решением экономических проблем, выработке интегративной идеологии, призванной сплотить социум, осознать себя единым целым, направив общественную энергию в общее русло. На этой

стадии трансформации общества использование единой государственной идеологии без учета всего комплекса назревших проблем недопустимо. Общенациональная идеология должна содействовать не только объединению нового демократического казахстанского общества, но и стать шагом на пути превращения народа в политически и исторически дееспособную целостность, включенную в мировой политический процесс.

Выводы

Изучение взаимоотношений между казахстанской и другими цивилизациями показало, что социокультурные изменения в республике требуют формирования новых ценностей и целей экономической и политической деятельности человека. Эти изменения идеологического характера подготавливают и легитимизируют изменения в политических и экономических институтах казахстанского общества, а также сам реальный процесс формирования новых социальных институтов. При этом взаимодействие социальных сфер в процессе социокультурных трансформаций показывает, что каждая сфера развивается по своим собственным закономерностям, которые на определенном этапе развития общества могут играть роль ведущего звена, чтобы затем уступить эту роль закономерностям другой сферы.

Литература

- 1 Abrams, P. 1982. *Historical Sociology*. – Ithaca: Cornell University Press.
- 2 Archer, M.S. 1985, 'Structuration versus morphogenesis', in: S. N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), *Macro-Sociological Theory*, vol. 1, pp. 58-88. – London: Sage.
- 3 Aron, R. *Demokratija i totalitarizm*. – M., 1993. – 262 s.
- 4 Bell, D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya*. – M., 1999. – 345 s.
- 5 Burns, T.R. and Flam, H. 1987. *The Shaping of Social Organization*. Beverly Hills: Sage.
- 6 Буббайер, Ф. С. Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. – М.: РОССПЭН, 2001.
- 7 Buckley, W. 1967. *Sociology and Modern Systems Theory*. Engle-wood Cliffs: Prentice Hall.
- 8 Бородкин, Л.И., Квасова, Е.А. *Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века*. – М.: Наука, 2001. – 246 с.
- 9 Wallerstein, I. *Social Science and the Quest for a Just Society // American Journal of Sociology*, CII, 5, March 1997, 1241-1257.
- 10 Вебер, М. *Протестантская этика и дух капитализма*. – изд-во: Ист-Вьюб 2002.
- 11 Gumilev, L.N. *Zametki poslednego evrazijca // Evrazija*. – 2001. № 3-4. – S. 5-23.
- 12 Giddens, A. 1991. *Introduction to Sociology*. – New York: Norton.
- 13 Giddens, A. 1971. *Capitalism and Modern Social Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press.
- 14 Giddens, A. 1979. *Central Problems in Social Theory*. – London: Macmillan.
- 15 Данилевский, Н.Я. *Россия и Европа*. – М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. – 550 с.
- 16 Djurkgejm, Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii*. – M., 1991. – 576 s.
- 17 Ермаханова, С.А. *Социокультурные факторы модернизации: противостояние традиции и инновации, самобытности и универсальности // Омский научный вестник*. – 2007. – № 6 (26).
- 18 Elias, N. 1987. *The retreat of sociologists into the present*, *Theory, Culture and Society*, 4, 2-3, pp. 223-48.
- 19 Etzioni, A. 1968a. *The Active Society*. – New York: Free Press.

- 20 Etzioni, A. 1968b, Mobilization as a macrosociological conception', *British Journal of Sociology*, 19, 3, pp. 243-53.
- 21 Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу». – М., 2000.
- 22 Здравомыслов, А.Г. Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) // *Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 40-54.*
- 23 Inozemtsev, V.L. *One World Divided. Existing Causes and Possible Results of the Coming Post-Economic Revolution.* – London: Wisdom House, 2001. – 482 p.
- 24 Marks K., Jengel's F. *Soch.*, t. 13.
- 25 Rozov, N.S. *Struktura social'noj ontologii: na puti k sintezu makroistoricheskikh paradigmi // Voprosy filosofii. – 2000. – №2. – S. 3-21.*
- 26 Sorokin, P. *Rodovaja struktura sociokul'turnyh javlenij // Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – М., 1992.*
- 27 Lapin, N.I. *Problema sociokul'turnoj transformacii // Voprosy filosofii. – 2000. – № 6. – S. 3-17.*
- 28 Nisbet, R.A. *History of the Idea of Progress.* Ozon.ru. 2007.
- 29 Parsons, T. *Sistema sovremennyh obshhestv. – М., 1997. – 310 s.*
- 30 Rozov, N.S. *Struktura social'noj ontologii: na puti k sintezu makroistoricheskikh paradigmi // Voprosy filosofii. – 2000. – №2. – S. 3-21.*
- 31 Rostow, W.W. *Politics and the Stages of Growth.* – London: Cambridge University Press. – 1971.
- 32 Рассадина, Т.А. Традиционные ценности: к вопросу о понятии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология. – 2004. – №3. – С. 80-96.*
- 33 Sorokin, P. *Rodovaja struktura sociokul'turnyh javlenij // Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – М., 1992.*
- 34 Savickij, P.N. *Kontinent Evrazija. – М., 1997. – 464 s.*
- 35 Segerstedt, T.T. 1966. *The Nature of Social Reality.* Stockholm: Svenska Bokforlaget.
- 36 Трубецкой, Н.С. *Европа и человечество // История. Культура. Язык. – М., 1995.*
- 37 Труфанова, Е.О. *Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. – № 2.*
- 38 Touraine, A. *Pourrons-nous vivre ensemble? Paris, Editions Fayard, 1997. – 395 p.*
- 39 Tilly, Ch. *Social Movements. – 2004.*
- 40 Каракозова, Ж.К., Хасанов М.Ш. *Космос казахской культуры. – Алматы, 1993.*
- 41 Нечипоренко, О.В., Нысанбаев, А.Н. *Россия и Казахстан в XXI веке: опыт модернизационных реформ. – Новосибирск, 2005. – 494 с.*
- 42 Федорова, М.М. *Модернизм и антимодернизм во французской политической мысли XIX века. – М., 1997. – 204 с.*
- 43 Федотова, В.Г. *Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 11.*
- 44 Shpengler, O. *Zakat Evropy. Oчерki mifologii mirovoj istorii. – М., 1994. – S. 487.*
- 45 Штомпка, П. *Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416*
- 46 Шацкий, Е. *Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Полис. – 1995. – № 5. – С. 68-74.*

References

- 1 Abrams, P. 1982. *Historical Sociology.* – Ithaca: Cornell University Press.
- 2 Archer, M.S. 1985, 'Structuration versus morphogenesis', in: S. N. Eisenstadt and H. J. Helle (eds), *Macro-Sociological Theory*, vol. 1, pp. 58-88. – London: Sage.
- 3 Aron, R. *Demokratija i totalitarizm. – М., 1993. – 262 s.*
- 4 Bell, D. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovanija. – М., 1999. – 345 s.*
- 5 Burns, T.R. and Flam, H. 1987. *The Shaping of Social Organization.* Beverly Hills: Sage.
- 6 Bubbajer, F. S. L. *Frank: Zhizn' i tvorcestvo russkogo filosa. – М.: ROSSPJeN, 2001.*
- 7 Buckley, W. 1967. *Sociology and Modern Systems Theory.* Engle-wood Cliffs: Prentice Hall.
- 8 Borodkin, L.I., Kvasova, E.A. *Opyt rossijskikh modernizacij. XVIII-XX veka. – М.: Nauka, 2001. – 246 s.*
- 9 Wallerstein, I. *Social Science and the Quest for a Just Society // American Journal of Sociology, SP, 5, March 1997, 1241-1257.*
- 10 Veber, M. *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. – izd-vo: Ist-V'jub 2002.*
- 11 Gumilev, L.N. *Zametki poslednego evrazijca // Evrazija. – 2001. № 3-4. – S. 5-23.*
- 12 Giddens, A. 1991. *Introduction to Sociology.* – New York: Norton.
- 13 Giddens, A. 1971. *Capitalism and Modern Social Theory.* – Cambridge: Cambridge University Press.
- 14 Giddens, A. 1979. *Central Problems in Social Theory.* – London: Macmillan.
- 15 Danilevskij, N.Ja. *Rossija i Evropa. – М.: IC «Drevnee i sovremennoe», 2002. – 550 s.*
- 16 Djurkgejm, Je. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii. – М., 1991. – 576 s.*
- 17 Ermahanova, S.A. *Sociokul'turnye faktory modernizacii: protivostojanie tradicii i innovacii, samobytnosti i universal'nosti // Omskij nauchnyj vestnik. – 2007. – № 6 (26).*
- 18 Elias, N. 1987. *The retreat of sociologists into the present', Theory, Culture and Society, 4, 2-3, pp. 223-48.*
- 19 Etzioni, A. 1968a. *The Active Society.* – New York: Free Press.
- 20 Etzioni, A. 1968b, Mobilization as a macrosociological conception', *British Journal of Sociology*, 19, 3, pp. 243-53.
- 21 Zinov'ev, A.A. *Na puti k sverhobshhestvu». – М., 2000.*
- 22 Здравомыслов, А.Г. *Ozhidanie budushhego i ego prognoz (sociologicheskie aspekty) // Rossiya reformirujushhajasja. Ezhegodnik / отв. ред. М.К. Gorshkov. – Вып. 6. – М.: Institut sociologii RAN, 2007. – S. 40-54.*

- 23 Inozemtsev, V.L. One World Divided. Existing Causes and Possible Results of the Coming Post-Economic Revolution. – London: Wisdom House, 2001. – 482 p.
- 24 Marks K., Jengel's F. Soch., t. 13.
- 25 Rozov, N.S. Struktura social'noj ontologii: na puti k sintezu makroistoricheskikh paradigim // Voprosy filosofii. – 2000. – №2. – S. 3-21.
- 26 Sorokin, P. Rodovaja struktura sociokul'turnyh javlenij // Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – M., 1992.
- 27 Lapin, N.I. Problema sociokul'turnoj transformacii // Voprosy filosofii. – 2000. – № 6. – S. 3–17.
- 28 Nisbet, R.A. History of the Idea of Progress. Ozon.ru. 2007.
- 29 Parsons, T. Sistema sovremennyh obshhestv. – M., 1997. – 310 s.
- 30 Rozov, N.S. Struktura social'noj ontologii: na puti k sintezu makroistoricheskikh paradigim // Voprosy filosofii. – 2000. – №2. – S. 3–21.
- 31 Rostow, W.W. Politics and the Stages of Growth. – London: Cambridge University Press. – 1971.
- 32 Rassadina, T.A. Tradicionnye cennosti: k voprosu o ponjatii // Vestn. Mosk. un-ta. Ser.18. Sociologija i politologija. – 2004. – №3. – S. 80–96.
- 33 Sorokin, P. Rodovaja struktura sociokul'turnyh javlenij // Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – M., 1992.
- 34 Savickij, P.N. Kontinent Evrazija. – M., 1997. – 464 s.
- 35 Segerstedt, T.T. 1966. The Nature of Social Reality. Stockholm: Svenska Bokforlaget.
- 36 Trubeckoj, N.S. Evropa i chelovechestvo // Istorija. Kul'tura. Jazyk. – M., 1995.
- 37 Trufanova, E.O. Chelovek v labirinte identichnostej // Voprosy filosofii. 2010. – № 2.
- 38 Touraine, A. Pourrons-nous vivre ensemble? Paris, Editions Fayard, 1997. – 395 p.
- 39 Tilly, Ch. Social Movements. – 2004.
- 40 Karakozova, Zh.K., Hasanov M.Sh. Kosmos kazahskoj kul'tury. – Almaty, 1993.
- 41 Nechiporenko, O.V., Nysanbaev, A.N. Rossija i Kazahstan v XXI veke: opyt modernizacionnyh reform. – Novosibirsk, 2005. – 494 s.
- 42 Fedorova, M.M. Modernizm i antimodernizm vo francuzskoj politicheskoj mysli XIX veka. – M., 1997. – 204 s.
- 43 Fedotova, V.G. Faktory cennostnyh izmenenij na Zapade i v Rossii // Voprosy filosofii. – 2005. – № 11.
- 44 Shpengler, O. Zakat Evropy. Oчерki mifologii mirovoj istorii. – M., 1994. – S. 487.
- 45 Shtompka, P. Sociologija social'nyh izmenenij / Per. s angl.; pod red. V. A. Jadova. – M.: Aspekt-Press, 1996. – 416.
- 46 Shackij, E. Protoliberalizm: avtonomija lichnosti i grazhdanskoe obshhestvo // Polis. – 1995. – № 5. – S. 68–74.